
В. А. ДИЛЮЯН, Г. М. КАЗАРЯН, Д. А. МУРАДЯН

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК НОВОЙ ИСТОРИИ АРМЕНИИ

1. Русско-армянские отношения и русская ориентация армянского освободительного движения

В истории Армении XVIII—XIX вв. особо важное место занимает исследование и разработка вопросов национально-освободительного движения против деспотического ига Персии и Турции, развернувшегося в эпоху разложения феодального общественного строя. Исследование этой проблемы всегда находилось в центре внимания армянских советских историков. Они обращаются к этой теме как к важному звену в цепи закономерностей общественно-политического и социального развития как Восточной, так и Западной Армении вообще, и многочисленных армянских поселений за рубежами Армении, в частности.

Отличительной чертой национально-освободительного движения армянского народа указанного периода являлось отсутствие единого фронта борющихся за свое освобождение угнетенных народов. Это движение искало помощи извне, у стремящейся к колониальной экспансии «единоверной Европы». Если вплоть до начала XVIII столетия руководители армянского освободительного движения ориентировались на западно-европейские страны, ждали помощи от них, то на рубеже XVIII в. они совершили крутой поворот, связав свои освободительные мечты, в первую очередь, с усилившимся к тому времени российским государством. С вступлением на арену европейской политики великой русской державы Петра I наблюдается заметное оживление армянского освободительного движения, явившегося результатом внешнеполитических и внутренних изменений, происходивших в Закавказье и сопредельных странах в начале XVIII в.

Поскольку основной внешнеполитической опорой армянского освободительного движения в XVIII — начале XIX вв. являлась Россия и это движение носило характер политической ориентации на Россию, то естественно, что проблема армяно-русских отношений в основном тесно связана с национально-освободительным движением армянского народа.

Первым среди советских армянских историков приступил к разработке вопросов русско-армянских отношений и армянского освободительного движения в XVIII—XIX столетиях А. Г. Иоаннисян. Этой проблеме он посвятил ряд исследований, в которых ставится и подвергается детальному анализу множество вопросов, относящихся, в первую очередь, к

освободительной идеологии армян¹. Критическое изучение источников армянского освободительного движения, связанных с деятельностью видного его представителя Исраела Ори (в эпоху Петра Великого), дало автору возможность в своих исследованиях на основе богатого фактического материала показать место и значение, которое имели для армянского народа как внешнеполитический курс России, так и деятельность Исраела Ори. Во втором томе монографии А. Г. Иоаннисяна показаны освободительные стремления армянского народа на широком фоне социально-экономических отношений и борьбы политических направлений на протяжении всего армянского средневековья. Вопросы освободительного движения армян автор рассматривает в тесной связи с борьбой народов Закавказья, показывает, что главной движущей силой освободительного движения являлись народные массы. Важное значение для понимания борьбы армянского народа имеют теоретические положения А. Г. Иоаннисяна о времени возникновения русской ориентации, о классовом содержании освободительного движения и политической его направленности на протяжении всего этого времени.

В тридцатых годах научное исследование вопросов истории армяно-русских отношений и освободительной борьбы армянского народа отодвигается на задний план и фактически игнорируется. Эти вопросы снова стали предметом исследования лишь в годы Великой Отечественной войны и в последующие периоды. В этой области большую работу проделали академики АН Арм. ССР М. Г. Нерсисян и А. Р. Иоаннисян².

В этих исследованиях подвергались научному анализу и разрабатывались такие важнейшие проблемы, как русско-армянские отношения и армянское освободительное движение второй половины XVIII столетия. В 1947 году вышла в свет книга В. А. Парсамяна «Грибоедов и русско-армянские отношения», в которой рассматривались некоторые аспекты вышеупомянутых проблем, относящиеся к периоду присоединения Восточной Армении к России.

Вопросы армяно-русских отношений стали предметом исследования также и историков З. Т. Григоряна, А. Г. Абраамяна, П. Т. Арутюняна и др. Были изданы сборники документов³. Исследуя различные этапы освободительного движения, историки придерживаются различных мнений по отдельным вопросам.

¹ Ашот Иоаннисян, К вопросу о возникновении русской ориентации у армян, Эчмнадзи, 1921; его же, Очерки истории армянской освободительной мысли, т. I и II, Ереван, 1957—1959; его же, Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. (Сборник документов), т. I, Ереван, 1964, Историческое введение.

² М. Г. Нерсисян, Суворов и русско-армянские отношения, Ереван, 1941; А. Р. Иоаннисян, Иосиф Эмиц, Ереван, 1945 (на арм. яз.); его же, Россия и освободительное движение армянского народа в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947 (на русск. яз.).

³ «Армяно-русские отношения в XVIII в.», сб. документов, составили В. А. Парсамян, В. К. Восканян, С. А. Тер-Авакимова, Ереван, 1953 г.; «Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в.», ч. I, Ереван, 1964 (все — на русск. яз.).

Так, некоторые из них, ссылаясь на имеющиеся данные о торговых и культурных связях армян с Московским государством, выдвигают ту точку зрения, что начало русской ориентации армянского освободительного движения следует отнести к более раннему периоду⁴.

Другая часть историков указывает на то, что отдельные эпизодические факты о торговых и культурных отношениях, создавшие известные условия для сближения армян с Россией, еще не являются свидетельством наличия их политической ориентации в освободительном движении. Формирование и победу русской ориентации в освободительном движении эти историки связывают с периодом деятельности видного представителя армянского освободительного движения Исраела Ори, когда представленная им Петру I программа освобождения Армении из-под чужеземного ига привлекла к себе внимание царского правительства, заложила прочное начало для последующих сношений армян с русскими, стала важным этапом на пути осуществления внешней политики царизма на Ближнем Востоке⁵.

В рассмотрении и решении данной проблемы ряд вопросов все еще не получил должного освещения, и их исследование является неотложной задачей советской армянской историографии. Армянское освободительное движение приобретает особенно сильный размах в конце XVII и начале XVIII столетий, в период крайнего ослабления Ирана. Если до этого времени делались лишь отдельные попытки заполучить помощь извне, то в указанный период, в период усиления борьбы за освобождение угнетенных народов Закавказья, внешняя помощь стала неотложным требованием. Естественно, что вопрос о твердой политической ориентации мог возникнуть лишь при наличии широкого народного движения за освобождение. Если первоначально русская ориентация носила эпизодический характер и отражала лишь настроения отдельных представителей армянских правящих классов, то впоследствии, в 20-е годы XVIII в., когда в Восточной Армении шла борьба за освобождение против персов и турок, когда вся надежда на помощь и спасение была свя-

⁴ В. К. Воскалян, Армяно-русские отношения в XVII в., «Известия АН Арм. ССР» (общ. науки), 1948, № 1; его же, Вопрос возникновения русской ориентации в досоветской историографии, «Известия» АН Арм. ССР, 1957, № 3; его же, Вопрос возникновения русской ориентации в советской историографии, «Известия» АН Арм. ССР, 1958, № 4 (на русск. яз.); В. Парсамян, Из истории армяно-русских отношений, «Известия» АН Арм. ССР, 1952, № 7; А. Г. Абрамян, Страница из истории народов Закавказья и армяно-русских отношений, Ереван, 1953; П. Т. Арутюнян, Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в., М., 1954; М. Г. Нерсисян, Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма (1850—1870 гг.), Ереван, 1955; З. Т. Григорян, Вековая дружба армянского и русского народов, Ереван, 1960.

⁵ А. Г. Иоаннисян, Очерки истории армянской освободительной мысли, Ереван, кн. I и II, 1957—1959 гг.; его же, Историческое введение к сборнику «Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века», Ереван, 1964 (на русск. яз.); В. А. Парсамян, Колониальная политика царизма в Армении, т. I, Ереван, 1940; А. Арутюнян, Исраел Ори, Ереван, 1945.

запа исключительно с находившейся на западном побережье Каспийского моря русской армией, она стала носить общенародный характер, в чем и заключается ее торжество. Вопрос истории русской ориентации армян, следовательно, должен быть рассмотрен именно под этим углом зрения. Необходимо четко и ясно определить цели и задачи каждого класса в освободительном движении. Нуждаются в глубоком исследовании и отдельные этапы освободительной борьбы армянского народа и в правильной оценке — ряд деятелей, порою догматически объявленных предателями интересов своего народа без четкого выяснения классовых и идейно-политических мотивов их деятельности.

Другой важной стороной армяно-русских отношений и истории армянского освободительного движения является определение характера и целенаправленности армянского освободительного движения. Ряд историков считает, что освободительная борьба армянского народа в XVIII—начале XIX вв. с самого начала преследовала цель и шла под знаменем присоединения к России⁶. Другая же часть историков указывает на то, что руководители армянского освободительного движения ставили перед собою цель воссоздания своей государственности с помощью России. Не является случайностью, что в течение XVIII столетия русское правительство выдвигало в своей восточной политике программу создания объединенного армяно-грузинского христианского государства под протекторатом России⁷.

Следует указать, что основное расхождение между советскими армянскими историками в данном случае заключалось в вопросе о целенаправленности освободительного движения армян. В то время как А. Г. Иоаннисян подчеркивал «классовые и национальные» задачи, выдвигавшиеся участниками движения, ряд историков центр тяжести изучения данной проблемы переносил лишь на историю присоединения Армении к России. Характерно, что, отвергая проблему возникновения «ориентации армян на Россию», П. Т. Арутюнян подчеркивал лишь необходимость изучения вопроса истории «присоединения армян к России».

Особое место в истории армянского освободительного движения занимает вопрос о существовавших в нем направлениях. Он ставится в связи с освободительной борьбой второй половины XVIII в. Еще в 20-х гг., на основании сохранившихся двух вариантов так называемого «армяно-русского союзного договора», было выдвинуто положение о том, что в армянском освободительном движении существовали два направ-

⁶ П. Т. Арутюнян, Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в., М., 1954; З. Т. Григорян, Вековая дружба армянского и русского народов, Ереван, 1960.

⁷ А. Р. Иоаннисян, Россия и освободительное движение армянского народа в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947; его же, Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958; «Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в.», сб. документов, ч. I, Ереван, 1964 г. (предисловие А. Г. Иоаннисяна) (все — на русск. яз.).

ления: клерикально-феодалное и буржуазно-демократическое⁸. При этом исходили из того, что в одном варианте договора говорилось, что после освобождения Армении из-под чужеземного ига там должно быть учреждено государство с монархическим правлением, в другом же варианте речь шла об учреждении парламентарной буржуазной республики. Эту же точку зрения разделяет ряд других историков⁹. Некоторые историки на основании ряда документов выдвинули положение о том, что деятели армянского освободительного движения из России защищали и разделяли идеи своих собратьев из Индии, и что от этих идей они отказывались, лишь приспособившись к настроениям правящих кругов России¹⁰.

При исследовании данной проблемы историки упускали из виду то важное обстоятельство, что в многочисленных армянских колониях в России так же, как и в Индии, командные высоты находились в руках представителей армянского купеческого капитала, что во всех армянских колониях в России социально-экономическое развитие во второй половине XVIII века шло по руслу становления капиталистических производственных отношений. Отсюда и вытекает тот вывод, что не могло и не должно было существовать подобного резкого разграничения во взглядах и программах представителей одного и того же класса. Исследование истории армянских поселений в России доказывает правильность подобной точки зрения. С другой стороны, необходимо учесть то особое положение, в котором находилась армянская церковь. Основные свои доходы она получала из армянских колоний в Индии, где решающую роль играла торговая буржуазия. Одновременно армянская церковь, принимавшая активное участие в торгово-денежных операциях и тесно связанная с буржуазными кругами, не всегда шла против воли и стремлений последних.

Для полного понимания некоторых особенностей армянского национально-освободительного движения XVIII—начала XIX вв. (вплоть до присоединения Восточной Армении к России) следует иметь в виду также следующие моменты. Если до 1801 года, то есть в течение почти целого столетия, политика русского царизма была направлена на создание объединенного армяно-грузинского зависимого от России государства в Закавказье, то после присоединения Грузии и ликвидации грузин-

⁸ Т. Авдалбегян, Два течения в армянском освободительном движении, «Норк», кн. I Ереван, 1922.

⁹ А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение в 80-х гг. XVIII столетия, Ереван, 1947 (на русск. яз.); М. Г. Нерсисян, Из истории русско-армянских отношений, кн. I, Ереван, 1956 (на русск. яз.); В. А. Парсамян, Грибоедов и армяно-русские отношения, Ереван, 1947; З. Т. Григорян, Вековая дружба армянского и русского народов, Ереван, 1960; Г. Григорян, Из истории армянской передовой общественно-политической мысли, Ереван, 1957.

¹⁰ А. Ш. Минаканян, К вопросу об оценке составленных в XVIII в. двух проектов армяно-русского союзного договора, «Вестник Матенадарана», 1958, № 4; В. А. Дилоян, Из истории общественно-политической деятельности Лазаревых, Ереван, 1966.

ской государственности вышеуказанный проект снимается с повестки дня, а внешняя политика царизма приобретает явно аннексионистский характер. Между тем, многие деятели освободительного движения армянского народа все еще продолжали лелеять хрупкую надежду на воссоздание своей государственности.

Нет сомнения, что дальнейшее исследование вышеназванных вопросов является первоочередной задачей армянской советской историографии.

В ряде исследований освещаются такие важные вопросы взаимоотношений русского и армянского народов, как участие армян и других народов Кавказа в Отечественной войне 1812 г., а также роль декабристов в освобождении Восточной Армении из-под персидского ига¹¹.

2. Присоединение Восточной Армении к России

Присоединение Восточной Армении к России является одним из узловых вопросов в истории Армении нового времени. Историки прошлого, а в еще большей степени советские армянские историки уделяли и уделяют особое внимание освещению и разработке этой важной проблемы. Акт присоединения восточной части Армении к России оценивался по-разному в отдельные периоды развития советской исторической науки. В 20—30-е годы вообще отрицалось прогрессивное значение этого исторического акта, и он рассматривался исключительно как зло для армянского народа¹².

В дальнейшем вышеназванная точка зрения подвергалась критике в исторической литературе и было выдвинуто положение, что переход Восточной Армении — Ереванского и Нахичеванского ханств — под владычество России явился «наименьшим злом» для армянского народа.

Однако глубокое и всестороннее исследование фактов и процесса исторического развития Восточной Армении привело историков к тому правильному заключению, что, несмотря на проводимую царизмом колониальную политику, акт присоединения части Армении к России несомненно имел исторически прогрессивное значение, так как с освобождением из-под угрозы физического уничтожения создались лучшие условия для национального формирования восточных армян и их экономического и культурно-политического развития¹³.

¹¹ М. Г. Нерсисян, Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа, Ереван, 1965 (на русск. яз.); его же, Декабристы в Армении, Ереван, 1958; В. А. Парсамян, Декабристы в Армении, Ереван, 1959.

¹² Лео, История армянского народа, новейший период, стенографическое издание Ереванского госуниверситета, ч. I и II, Ереван, 1926—1927 гг.; С. С. Маркосян, Русско-французские и русско-английские противоречия в Персии в связи с завоеванием Закавказья, Ереван, 1936.

¹³ В. А. Парсамян, Грибоедов и армяно-русские отношения, Ереван, 1947; М. Г. Нерсисян, Из истории русско-армянских отношений, кн. I и II, Ереван, 1956 и 1961 гг. (на русск. яз.); З. Т. Григорян, Вековая дружба армянского

При исследовании процесса присоединения Восточной Армении к России особое значение имеет освещение вопроса международной борьбы и дипломатических интриг Англии и Франции против России и освободительных стремлений закавказских народов. С этой точки зрения особый интерес представляет книга акад. А. Р. Иоаннисяна «Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия» (Ереван, 1958, на русск. яз.).

Несмотря на большую работу, проделанную в области исследования проблемы присоединения Восточной Армении к России, ряд важных моментов остается все еще не раскрытым. Это, в первую очередь, касается разработки вопроса идеологии освободительного движения армянского народа данного периода. Остались вне поля зрения исследователей освободительное движение в Западной Армении в XVIII — начале XIX вв., вопросы политической ориентации западных армян, отношение последних к акту присоединения части своей родины к России¹⁴. Все еще недостаточно исследованы такие вопросы, как значение создания Армянской области, подготовка ее ликвидации в связи с открытым переходом царизма к колониальной политике¹⁵, отношение к этому акту армянских деятелей и т. д. Между тем, исследование этих вопросов имеет важное значение для понимания идеологии и сущности тех общественных течений, которые возникли несколько позднее.

3. Социально-экономическое развитие Армении в XIX веке

Значительная работа проделана советскими армянскими историками и в области исследования истории социально-экономического развития Армении в эпоху разложения феодальных производственных отношений. Здесь важное значение имеет определение характера и своеобразия феодальных отношений в Восточной и Западной Армении, форм землевладения и т. д.

Дореволюционные исследователи истории аграрных отношений в Закавказье высказывали и защищали ту точку зрения, что в Восточной Армении, в отличие от крепостнической Грузии, отсутствовала частная собственность на землю, она являлась собственностью шаха, т. е. государственной собственностью, а крестьяне были прикреплены к земле.

Подобные утверждения вызвали возражения у ряда советских исследователей. По их мнению, наличие частной собственности на землю в Восточной Армении не подлежит сомнению. Институты мулька и тнула

русского народов, Ереван, 1960 г.; его же, Военное сотрудничество русского и армянского народов в начале XIX в., Ереван, 1957; его же, Присоединение Восточной Армении к России, М., 1959.

¹⁴ Этот пробел восполняет книга акад. М. Г. Персисяна «Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма» (Ереван, 1955), в которой автор рассматривает ряд вопросов, касающихся первой половины XIX в.

¹⁵ Переход царизма к колониальной политике рассматривается в книге В. А. Парсамяна «Колониальная политика царизма в Армении», ч. I, Ереван, 1940; его же, Армения в первой половине XIX века (учебное пособие для ВУЗ-ов), Ереван, 1960.

они считают явлением, бесспорно свидетельствующим о наличии крупного помещичьего землевладения¹⁶.

Другая же часть исследователей продолжает придерживаться старой точки зрения, считая, что в рассматриваемый период как в Персии, так и во входящей в ее состав Восточной Армении земля являлась не частной, а государственной собственностью, а мульткадары получали лишь определенную часть земельной ренты¹⁷.

Имеются разногласия также и в вопросе возникновения мульткадарского права. Ряд исследователей находит, что мульткадарское земельное владение, будучи одной из разновидностей феодальной частной собственности, не было связано с обязательством выполнения государственной службы¹⁸, в то время как другие, наоборот, не видят никаких различий в возникновении институтов мульткадарства и тнультдарства и происхождения их обоих связывают с несением государственной службы, т. е. считают, что в своей основе они одинакового происхождения¹⁹.

Существуют различные точки зрения в вопросе о взаимоотношениях между крестьянами, с одной стороны, и мульткадарами и тнультдарами, с другой, в вопросе о прикреплении крестьян к земле. Исследователи дают разные ответы на эти вопросы. Первая группа исследователей аграрных отношений в Восточной Армении в период персидского владычества защищает ту точку зрения, что юридически крестьяне были свободны, находились вне личной зависимости от землевладельцев²⁰. Вторая группа историков характеризует взаимоотношения между крестьянами и землевладельцами как отношения, основанные на крепостном праве, выражавшемся в прикреплении крестьян к земле²¹.

В ряде трудов исследовано церковное землевладение в Армении и его особенности²².

Несмотря на большую работу, проделанную в области исследования аграрных отношений при феодальном способе производства в годы персидского владычества, тем не менее, нельзя уйти от того факта, что основные вопросы данной проблемы в виду недостаточности введенных в научный обиход архивных материалов все еще не нашли окончательного

¹⁶ А. М. Есаян, Мульткадарское право в Армении, Ереван, 1948; М. А. Адонц, Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в., Ереван, 1957 (на русск. яз.); Х. А. Авдалбекян, Аграрный вопрос в Восточной Армении, Ереван, 1959.

¹⁷ О. Туманян, Экономическое развитие Армении, Ереван, 1954 (на русск. яз.); С. С. Маркосян, Аграрные отношения в Араратском крае, Ереван, 1959.

¹⁸ А. М. Есаян, указ. соч.; Х. А. Авдалбекян, указ. соч.; М. Адонц, указ. соч.

¹⁹ Б. М. Арутюнян, Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVIII в., Ереван, 1940.

²⁰ А. М. Есаян, указ. соч.; Б. М. Арутюнян, указ. соч.; С. С. Маркосян, указ. соч.; В. Рштуни, Очерки истории крестьянства Армении, т. I, Ереван, 1960.

²¹ О. Е. Туманян, указ. соч.; Х. А. Авдалбекян, указ. соч.; М. Адонц, указ. соч.

²² Б. М. Арутюнян, указ. соч.; С. Погосян, Церковное землевладение в Армении и Эчмиадзин, как крупный помещик, «Труды Ереванского гос. университета», т. XIII, 1940.

своего решения. Наряду с этим, в тщательной разработке нуждаются такие составные части вышеназванной проблемы, как вопросы внутренней и внешней торговли, структура и деятельность городских цехов, торгово-денежные операции армянской церкви. Наконец, существенным пробелом является то обстоятельство, что социально-экономическая жизнь Западной Армении в XVIII—первой половине XIX вв. осталась вне поля зрения советских армянских историков. Между тем, исследование истории социально-экономического развития Западной Армении в указанный период может во многом помочь выявлению тех общих черт и различий, которые свойственны были обеим частям Армении. Это вопросы, которые ждут своего дальнейшего всестороннего и глубокого исследования.

Советская историография уделила большое внимание раскрытию социально-экономических изменений, происшедших как в Восточной, так и в Западной Армении в течение всего XIX в.

С точки зрения социально-экономических отношений Западная Армения пережила определенный сдвиг. После «Танзимата» — аграрной реформы 1858 г. торговля и промыслы в городах Западной Армении значительно оживились. В отличие от связанной с европейским капиталом компрадорской буржуазии армянских колоний в Константинополе и Смирне, в провинции началось формирование армянской национальной буржуазии, в чьих руках сосредоточивались торговля и промыслы. Начиная с 1860-х гг. возникает ряд заводов капиталистического типа, появляются зачатки рабочего класса Западной Армении. В экономической жизни западных армян начали вырисовываться контуры новых производственных отношений, начался этап завершения длительного процесса формирования армянской буржуазной нации, усиления ее освободительной борьбы, оживления общественно-политической мысли.

Досоветская историография не смогла раскрыть сути этих явлений, не хотела видеть ту классовую дифференциацию, которая возникла в стране и армянских колониях, стараясь приписать все новое своему классу — буржуазии. А. Ерицян, С. Егназаров и другие объясняли процесс пауперизации крестьянства, формирования пролетариата, как результат не роста товарного производства, развития капитализма, а изменения климатических и географических условий.

Вопросы развития капиталистических отношений, крестьянской реформы 1870 г., формальной ликвидации крепостнических порядков истории крестьянского движения подверглись глубокому и всестороннему исследованию со стороны марксистских историков и экономистов²³.

²³ В. А. Р ш т у н и, Крестьянская реформа в Армении в 1870 г., Ереван, 1947 (на русск. яз.); О. Е. Т у м а н я н, Экономическое развитие Армении, ч. I, Ереван, 1954 (на русск. яз.); В. А. Р ш т у н и, Крестьянское движение в Армении в XIX в., Ереван, 1948 (на русск. яз.); Аграрная политика царизма и крестьянская реформа в Армении в начале XX в., сб. док., составили В. А. Рштуни, К. А. Степанян, Ереван, 1951; О. А. М а р у х я н, Положение крестьян в досоветской Армении (1900—1920), Ереван, 1948;

Марксистская методология дала возможность советским армянским ученым изучить колониальную политику царизма и роль империализма в Западной Армении, исторические корни политики геноцида армян, проводимой султаном Абдул-Гамидом и пантюристами после русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Вопросы положения народных масс, экономического разорения крестьянства, взаимоотношения господствующих и подчиненных классов стали предметом специального исследования. Вклад армянской советской историографии в области исследования истории социально-экономической жизни Восточной Армении — весьма велик. Однако до сих пор не создано более или менее весомого исследования о формировании восточноармянской буржуазии, не раскрыты радиусы ее экономической деятельности и обусловленное этим появление рабочего класса. Что же касается истории экономики Западной Армении вообще, то она находится в весьма неразработанном состоянии и к изучению ее советские историки приступили только в последние годы²⁴.

О социально-экономическом и политическом положении западных армян в XIX в. зарубежными армянскими и советскими историками написаны статьи, созданы памятные книги об отдельных районах Западной Армении, изданы многочисленные документы и монографии. К сожалению, советская армянская историография слишком отстает в этом вопросе. Этого пробела не дополняют журнальные статьи или отдельные главы, служащие лишь фоном для монографических исследований. Богатая и полная трагическими событиями история экономической жизни большей части целого народа фактически остается нераскрытой, в результате чего возникает множество спорных вопросов. Плохое знание экономики Западной Армении до сих пор не давало возможности ясно определить политическое лицо гегемона армянского национально-освободительного движения, что имело бы не только научную ценность, но и важное политическое значение. Отсутствуют более или менее завершенные труды об армянских многолюдных колониях Константинополя и Смирны, почему и остается непонятным, каким образом в такой полуварварской, военно-феодальной стране, какой была Турция того времени, развивалась культура этих поселений, процветала литература, формировались общественно-политические течения, расцветала революционно-демократическая мысль, функционировал театр, провозглашалась «национальная конституция».

М. А. Л до и ц, Экономическое развитие Восточной Армении, Ереван, 1957 (на русск. яз.); А. С. А м б а р я н, Развитие капиталистических отношений в армянской деревне (1860—1920), Ереван, 1959 (на русск. яз.); Т. Х. А ко п я н, История Еревана (1801—1879), т. I, Ереван, 1961.

²⁴ М. Г. П е р с е с я н, Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма (1850—1870 гг.), I глава; Е. К. С а р к и с о в, Аграрная политика Османской империи в Западной Армении во второй половине XIX в., Ереван, 1958 (на русск. яз.); В. А. П а р с а м я н, Армения в первой половине XIX в.; А. С. А м б а р я н, Аграрные отношения в Западной Армении (1856—1914 гг.), Ереван, 1965.

4. Национально-освободительное движение и общественно-политические течения во второй половине XIX в.

Одной из важнейших проблем новой истории Армении является проблема национально-освободительного движения. Оно возникло на несколько веков раньше и у западных армян приобрело общенациональный характер, вовлекая в свои ряды широкие слои населения лишь со второй половины XIX столетия, т. е. с формированием армянской буржуазии, с возникновением и формированием буржуазных отношений.

Ярким проявлением его явилось героическое Зейтунское восстание 1862 года.

Зейтунское движение было скорее самообороной, чем восстанием. Многотысячная турецкая армия потерпела поражение от горцев героического Зейтуна и была вынуждена временно отказаться от осуществления своих планов. Выступление зейтунцев имело общенародное значение и находило поддержку со стороны обеих частей армянского народа, армянских колоний, но лишь после поднятия восстания. Претендующая на руководство освободительным движением, идеология едва лишь догоняла народное движение. Ошибается историк Лео, который первым в советское время занимался исследованием этих движений, рассматривая их как «заговор», организованный интеллигенцией, в частности, М. Налбандяном.

Усилиями исследователей истории освободительной борьбы, в особенности М. Г. Нерсисяна, были введены в научный оборот многочисленные материалы, определялись два этапа движения — 1850—1860-е и 1870—1880-е годы²⁵. Было доказано, что как первый, так и второй этапы этого движения имели прогрессивное значение и являлись одним из звеньев общей борьбы против турецкого деспотизма. Не менее важно также и то, что наряду с вышесказанным, армянское национально-освободительное движение в своей основе носило характер острой социально-классовой борьбы. Призванное к борьбе крестьянство, вместе с достижением политической свободы, старалось разрешить также и аграрную, земельную проблему.

Если история освободительного движения 1850—1860 гг. глубоко исследована, то серьезное изучение второго этапа только начинается.

Одним из сложных и трудных вопросов истории этого движения является вопрос общественно-политической его оценки. Дооктябрьская буржуазная и консервативная историография, собрав богатый исторический материал об этом движении, обнаруживала отрицательное отноше-

²⁵ М. Г. Нерсисян, Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма (1850—1870 гг.), Ереван, 1955; В. Г. Меликсетян, Зейтунское восстание 1862 г., Ереван, 1950; его же, Зейтунская эпопея, Ереван, 1960; В. А. Парсамян, Из истории армянского освободительного движения, Ереван, 1958; Р. П. Оганесян, Национально-освободительное движение западных армян и Каринская организация «Паштпан айреян», Ереван, 1965.

ние к движению и его идеологии, либо даже не дала ему удовлетворительного освещения. Революционная деятельность и литературное наследие М. Налбандяна, его соратников и единомышленников, оставались в тени или были представлены в лживом освещении.

В советской историографии отдельные страницы по истории армянской освободительной мысли появились еще в начале 20-х годов, однако некоторый сдвиг был намечен лишь в 30-х годах. Если историк Лео в своих последних трудах²⁶ проявил отрицательное отношение к национальному движению армян, считал М. Налбандяна и его единомышленников людьми, оторвавшимися от родной почвы, пропагандировавших взгляды русских нигилистов, то Ашот Иоаннисян подошел к этой проблеме с диаметрально противоположных позиций²⁷. Им впервые опубликован ряд документов, которые убедительно характеризовали деятельность и мировоззрение Налбандяна как революционного демократа.

Показав идейную связь Налбандяна с революционными демократами периода революционной ситуации 1859—1861 гг., А. Г. Иоаннисян осветил революционную стратегию и тактику Налбандяна в тесной связи с идеями Герцена и Огарева.

В 1940-х гг., особенно в начале 50-х гг., эти проблемы не только были преданы забвению, но под видом борьбы с теорией «Единого буржуазного националистического потока» были допущены грубые ошибки в оценке деятелей национально-освободительного движения XIX в., допущен произвол в отношении ученых, придерживавшихся другой точки зрения.

Преодоление вредных последствий этого периода дало возможность ученым опубликовать ряд исследований, остававшихся под спудом долгие годы²⁸. Была разрешена проблема всестороннего марксистского анализа литературного и публицистического наследия М. Налбандяна на базе изучения его деятельности и всей эпохи, благодаря чему стало возможным дать правильную характеристику общественным течениям этого периода. К сожалению, эти вопросы все еще не получили единого решения. При оценке армянских общественно-политических течений группа ученых признавала лишь наличие трех течений: феодально-клерикального, либерально-буржуазного и революционно-демократического, стараясь втиснуть в эту схему все направления общественной мысли армян. Игнорировалось существование так называемых национал-консерваторов, деятельность которых не совмещалась ни с одним из упомянутых течений. Общественные течения 1850—1860-х годов на последу-

²⁶ Лео, Идеология революции турецких армян, тт. 1—2, Париж, 1934—1935 гг.

²⁷ М. Налбандян, Пензданые произведения, ред. и комментарии Аш. Иоаннисяна, Ереван—Москва, 1935.

²⁸ Ашот Иоаннисян, Налбандян и его время, т. I, II, Ереван, 1955—1956 гг.; М. Персиян, Борьба армянского народа против турецкого деспотизма, Ереван, 1955; В. Рштуни, Из истории армянских общественных течений второй половины XIX в., Ереван, 1956; В. Парсамян, Из истории армянского национально-освободительного движения, Ереван, 1958; Г. М. Казарян, Маттеос Мамурян, Ереван, 1961.

ющем этапе со второй половины 60-х годов претерпевают эволюцию в своей идеологии, занимают иную позицию в условиях новой расстановки сил. До сих пор у нас мало научных исследований об армянских общественных течениях 1870—1880 гг. Имеются некоторые труды об армянских народнических кружках²⁹, однако в них не прослежено историческое развитие этих кружков, не уточнены их идейно-политические связи с общественным движением и развитием общественной мысли армян 80—90-х гг. Необходимо изучение и серьезная разработка этих вопросов с правильных позиций марксистско-ленинской теории.

В конце XIX века, с возникновением политических партий и организаций арменаканов, гичакистов и дашнаков в истории национально-освободительного движения армянского народа начинается новый этап.

Подняв знамя освобождения западных армян, восставших против кровавого турецкого ига, армянские партии и организации развернули широкую пропаганду и активную деятельность, организовывая вооруженные отряды, повстанческие движения и террор. Упомянутые партии, не имея единой тактики и программы, не сразу пришли к выводу о необходимости прибегнуть к оружию.

Всеми этим партиям и организациям до некоторой степени были свойственны авантюризм и вера в дипломатию западных держав. Вооруженные выступления и революционную стратегию они превращали в тактическое средство, могущее задевать интересы европейских держав и вызывать их вмешательство в пользу армян. Не столько виной, сколько бедой этих партий явились национально-ограниченные рамки организованных ими выступлений. Ввиду вековой отсталости Турции, у многих народностей, в том числе у курдов и самих турок, отсутствовали условия буржуазного развития и формирования революционно-демократических партий, могущих возглавить совместные или согласованные выступления против феодальной реакции и поддерживающих ее империалистических сил. Турецкие националисты начисто отрицали право подчиненных Турции народностей на национальное самоопределение.

В историческую эпоху последней четверти XIX в. армянские буржуазные и мелкобуржуазные национальные партии, выступившие со стремлением руководить освободительным движением, являлись носителями антифеодальных, буржуазно-демократических идей. Это обстоятельство требует определенного подхода для рассмотрения их деятельности в этот промежуток времени.

Научное исследование деятельности армянских партий в поворотные периоды истории всегда было первоочередной задачей советских историков. В 20-х гг. против этих партий, особенно дашнаков, первым выступило старшее поколение армянских историков-марксистов и поли-

²⁹ В. А. Р ш т у н и, Из истории общественного течения армян (вторая половина XIX в.), Ереван, 1956; Г. А. Г а р а д ж я н (С. Т. Аркомед), Первый армянский революционный кружок в Закавказье, Тифлис, 1929; М. Г. Н е р с и с я н, Народнические кружки в Закавказье, Ереван, 1940.

тических — государственных деятелей, имевшее непосредственное общение с ними и борющееся против них. В своих выступлениях они разоблачали недалёковидную политику дашнаков и гнчакистов, рельефно обнаружившуюся в годы первой мировой войны. Возлагая свои надежды на победу Антанты и не признавая иных путей освобождения Западной Армении, вышеупомянутые партии политически запутывались в сетях дипломатических интриг «союзников» и своей политикой давали повод турецким правителям сваливать на армян ответственность за давно запланированный и систематически осуществляемый турецкими головорезами геноцид армян.

В 1920-х гг. советскими историками изучались события, связанные с установлением советской власти в Армении, Майским восстанием, разоблачением антисоветской деятельности дашнаков за рубежом и т. д. По всем этим вопросам публиковались документы и научные исследования, разоблачавшие контрреволюционную и антисоветскую деятельность дашнаков, окончательно свергнувших знамя национально-освободительного движения и перешедших в лагерь империализма³⁰.

Разоблачение деятельности партии Дашнакцутюн заставило историков обратить внимание на весь пройденный ею путь, искать ее социальные корни, выяснить ее происхождение. Обсуждение этих вопросов стало предметом серьезных научных споров.

Часть исследователей, исходя из текущей контрреволюционной и антисоветской политики дашнаков, заключала, что тому причиной их буржуазное происхождение. Они считали, что вся прошлая деятельность дашнаков была связана с торгово-промышленной буржуазией кавказских армян и финансировалась ею³¹.

Другая группа исследователей, вовсе не отрицая контрреволюционную и антисоветскую деятельность дашнаков, указывала на мелкобуржуазные корни этой партии и на былую связь их руководителей с народническим движением 80-х годов, с одной стороны, и с поднимавшимися против социального и национального гнета царизма, разорившимися мелкими производителями города и деревни (в армянской действительности) в Закавказье, с другой. В условиях царской реакции 80—90-х годов идеологи армянской мелкобуржуазной интеллигенции обращали свой взор на «обетованную землю» — на Западную Армению, за освобождение которой в прошлом ратовали и представители национально-

³⁰ А. Г. Иоаннисян, Дашнакцутюн и война, Ереван, 1924; А. Б. Каринян, Империалистическая война в Армении, Ереван, 1924; А. Ф. Мясникян, Из документов дашнакского правительства, предисловие к сборнику, Ереван, 1922; его же, Партии зарубежных армян, Тифлис, 1924; А. Г. Иоаннисян, Текущий курс дашнакской идеологии, «Норк», кн. 3, 1923; А. Б. Каринян, Дашнакцутюн против фактов, Тифлис, 1926; его же, Новые позиции националистов, Москва, 1929.

³¹ А. Б. Каринян, Путь армянских националистов, Москва, 1926; его же, Дашнакцутюн и его соратники, Ереван, 1932.

консервативного течения. На этой общей социальной базе и возникла партия Дашнакцутюн³².

В дальнейшем, параллельно с появлением рабочего движения и марксизма в армянской действительности в конце XIX — начале XX вв., армянские мелкобуржуазные национальные партии пережили эволюцию.

Основанная на диалектическом анализе явлений, вышеназванная точка зрения дает возможность объяснить как национал-демократизм, так и национализм и контрреволюционный характер партии Дашнакцутюн.

Однако необходимо указать, что до сегодняшнего дня у нас нет законченного научного освещения проблемы социального происхождения партии Дашнакцутюн. Многие исследования носят на себе еще отпечаток нигилизма в отношении национальных движений, характерного для 20-х годов.

У нас нет цельной марксистской истории партии Дашнакцутюн. Данный пробел в науке «заполняют», с одной стороны, дашнаки своими многочисленными изданиями за рубежом, а с другой — официальная турецкая историография — с целью оправдать политику геноцида армян.

5. История Армении 1900—1917 гг.

В конце XIX и начале XX вв. Россия вместе с ведущими капиталистическими странами вступила в эпоху империализма, в эпоху пролетарских революций.

Армения, как окраина царской России, несмотря на свойственные ей особенности, носила на себе отпечаток общих социально-экономических условий царской России, и общие задачи назревающей буржуазно-демократической революции являлись закономерными и для нее.

Представители либерального и мелкобуржуазного направления дореволюционной армянской историографии относились с пренебрежением к задачам общереволюционного движения, вернее, они замалчивали вопрос участия армянских народных масс в революционном движении России. Их интересовала лишь деятельность армянских национальных партий, а вся история этого периода рассматривалась ими как результат деятельности этих партий.

После победы Октября и окончания гражданской войны советские историки приступили к исследованию пройденного революционного пути народов нашей страны. Их занимали такие вопросы, как конкретные причины победы революции в центре и на окраинах, экономические и общественные взаимоотношения, особенности развития революции.

В советской армянской историографии первая научная попытка освещения событий в Армении накануне и в годы первой русской рево-

³² А. Г. Иоаннисян, Социальное происхождение дашнакцутюн, «Норк», кн. 1, 1927; его же, По поводу дашнакцутюн, М., 1929.

люции принадлежит Е. Мелик-Елчян³³. Глубоко изучив факты, он указал причины, вызвавшие революционные выступления трудящихся масс Армении. На основе исследования социально-экономической структуры в Армении, Е. Мелик-Елчян показал характерные особенности и слабость революционного движения.

Однако необходимо заметить, что он сгущает краски в вопросе оценки роли «центробежных сил», действующих в армянской действительности и, частично игнорируя буржуазно-демократический характер революции, несколько догматически представляет развернувшееся накануне 1905 г. армянское народно-освободительное движение. Между тем известно, что ленинская «Искра» с большой симпатией относилась к нему.

В последующие годы отдельные вопросы этого периода новой истории Армении были подняты в отдельных статьях, брошюрах и мемуарах. В 1930—1940-е годы роль народных масс перестает быть предметом исследования истории.

В исследованиях, опубликованных в этот период, несмотря на многочисленные искажения, тем не менее, уточнялись и проверялись некоторые факты, относящиеся к революционному движению и деятельности большевистских организаций в Закавказье и Армении.

Отдельные вопросы истории революционного движения в Армении в некоторой степени освещались в монографиях историко-революционного и историко-партийного характера. Они нашли место также и в исследованиях и сборниках документов, посвященных положению крестьянства, аграрным отношениям в дореволюционной Армении³⁴.

Серьезные попытки цельного освещения развернувшегося в 1905—1907 гг. революционного движения в Армении были сделаны во второй части школьного учебника «История армянского народа» (Ереван, 1957).

К ряду первых исследований этого вопроса нужно причислить также монографию, посвященную марксистским организациям и революционному движению в Лори³⁵.

В связи с пятидесятилетием первой русской революции новые размах получили научно-исследовательские работы как во всей стране, так и в национальных республиках. В историографии началось преодоление последствий культа личности. В 1955 г. и в последующие годы в Армении

³³ Е. Мелик-Елчян, Четыре года истории рабочего движения Армении (1903—1907), Ереван, 1924.

³⁴ В. Аветисян, Сурен Спандарян, Ереван, 1957; Х. Барсегян, Степан Шаумян, М., 1960; Г. М. Мняян, Партийная и государственная деятельность Ст. Шаумяна, Ереван, 1957; А. Марухян, Положение крестьянства в досоветской Армении, Ереван, 1948; О. М. Оганесян, Аграрный вопрос в бывшей Эриванской губернии в конце XIX—начале XX вв., Ереван, 1949; «Аграрная политика царизма и крестьянское движение в Армении в начале XX века», сб. док., составитель проф. В. Рштуни, при участии К. Степаняна, Ереван, 1951.

³⁵ Г. С. Меликян, Марксистские организации и революционное движение в Лори, Ереван, 1957.

были опубликованы монографии, статьи, сборники статей и документов, научные информации, отдельные важные документы и т. д.³⁶

Были найдены и введены в научный оборот новые архивные материалы. Преданные забвению многочисленные события и личности заняли свое надлежащее место в истории. По-новому были оценены и освещены многие известные факты.

В литературе, изданной в эти годы, затрагивались вопросы исторического значения и международного влияния первой русской революции, развернувшихся в Армении рабочего, крестьянского, студенческого, солдатского движений и ряд важных вопросов гражданской истории Восточной Армении, связанных с революцией 1905—1907 гг.³⁷

Обобщив труды, посвященные исследованию истории развернувшегося в 1905—1907 гг. революционного движения в Армении, мы видим, что в них, в общих чертах, правильно воссоздается картина социальной и национальной борьбы народных масс в целом.

Но еще многое предстоит сделать историкам для раскрытия и научной оценки истории героической борьбы трудящихся масс национальных окраин царской России.

До сих пор не имеется исследований по гражданской истории армянского народа начала XX в., в том числе и исследований, всесторонне освещающих историю национально-освободительного движения периода первой русской революции.

В период между двумя русскими революциями осью гражданской истории как восточных, так и западных армян все еще являлась борьба народа за социальное и национальное освобождение. Для восточных армян на повестке дня стояли задачи общероссийской буржуазно-демократической революции: ликвидация полукрепостнических отношений, свержение царской монархии, учреждение демократической республики. Для западных же армян борьба шла за существование самого народа, сохранение элементарных человеческих прав, за национальное самоопределение.

Несмотря на своеобразный путь развития, для обеих частей Армении было характерно то важное обстоятельство, что восточные армяне рассматривали освобождение западных армян от турецкого владычества, как свое кровное дело, и разными способами помогали их борьбе.

³⁶ Ц. Агаян, Революционное движение в Армении (1905—1907), Ереван, 1955; В. Парсамян, Революционное движение в Армении (1905—1907), Ереван, 1955; «Революционное движение в Армении» (1905—1907) — Сборник документов и материалов под редакцией А. Н. Минаканяна, Ереван, 1955; А. Б. Арутюнян, Народы Закавказья в борьбе против царизма в годы первой русской революции, Ереван, 1957; В. Аветисян, Страница из истории рабочего движения в Армении, Ереван, 1961.

³⁷ «Революционное движение в Армении в годы первой русской революции» (Сборник статей), Ереван, 1955; «Революционное движение в Армении в 1905—1907 гг.» (Сборник статей), Ереван, 1955; Г. А. Арутюнян, Революционное движение в Армении 1905—1907 гг., Ереван, 1956; Д. А. Мурадян, Армения в годы первой русской революции, Ереван, 1964.

В советской армянской историографии одним из первых поднял проблемы этого периода новой истории проф. Лео. Если в досоветский период Лео освещал историю армянского освободительного движения с позитивных позиций, то в советское время, под влиянием вульгарно-социологической историографии, он отказался от прежней своей позиции по вопросам армянского освободительного движения. Как в своих мемуарах, так и во втором томе монографии «Идеология революции турецких армян»³⁸ Лео фактически отрицает национально-освободительное движение армян, клеймит его героев, считая, что армяне должны были оставаться нейтральными.

Несмотря на указанные недостатки, труды Лео, написанные в блестящем стиле, имеют определенную историко-познавательную ценность и содержат богатый фактический материал.

Масштабы исследования гражданской истории этого периода новой истории значительно сузились после Лео. Долгие годы историками не освещались вопросы этого периода. Исследователи ограничивались лишь отдельными статьями и брошюрами о том или другом деятеле.

Более благополучно обстояло дело с историко-партийной тематикой.

В последние годы внимание историков постепенно сосредоточивается на освещении гражданской истории первых двух десятилетий XX в. Несмотря на то, что до сих пор все еще не имеется цельных, обобщающих исследований, тем не менее, отдельные узловые проблемы становятся предметом научного освещения. Одной из таких работ является «История Еревана»³⁹, второй том которой охватывает 1879—1917 гг. Несмотря на то, что Ереван являлся всего-навсего губернским центром царской России, притом окраинным, тем не менее, в его истории, хотя и в более мелких масштабах, чем в Баку и Тифлисе, отражалась политическая, экономическая и культурная жизнь восточных армян. Поэтому и исследование истории Еревана со всеми присущими ей особенностями — ценное начинание.

Среди подобного рода исследований интересна также и монография, посвященная истории Карсской области и городу Карсу⁴⁰.

Самым драматическим периодом в новой истории армянского народа являются годы первой мировой войны. За воодушевлением и иллюзиями, возникшими в связи с новым возбуждением армянского вопроса в международных дипломатических сферах, накануне первой мировой войны, последовали апатия и разочарование, возникшие в годы войны в результате страшной резни и угрозы уничтожения армянского народа в целом. Армянский народ и первая мировая война, война и ее послед-

³⁸ Лео, Из прошлого, Тифлис, 1925; его же, Идеология революции турецких армян, т. II, Париж, 1934.

³⁹ Т. Х. Акопян, История Еревана (1879—1917), т. II, Ереван, 1963.

⁴⁰ А. М. Погосян, Социально-экономические отношения в Карсской области (1879—1920), Ереван, 1961.

ствия для армянского народа — эти узловые проблемы всегда интересовали исследователей⁴¹.

Однако до последнего времени эти проблемы не получали простора для глубокого научного исследования и широкого освещения.

После преодоления последствий культа личности, интерес исследователей к этим темам значительно возрос, но сложность проблем все еще вызвала определенное опасение. Только в последние годы историки вплотную подошли к монографическому изучению этих проблем.

Были изданы монографии о завоевательной политике Турции в Закавказье в 1914—1918 гг., о первой мировой войне и о положении западных армян, о трагедии армянского народа в оценке всемирной общественной мысли и ряд научных статей и публикаций. Особую ценность представляет в этом отношении сборник документов и материалов, изданный под редакцией академика АН Арм. ССР М. Г. Нерсисяна, обстоятельно раскрывающий преступную политику турецких правителей в преднамеренной организации геноцида армянского народа⁴².

Вышеупомянутые труды, на основе всестороннего исследования армянских, русских и европейских источников, раскрывают экономическое и правовое положение Турции и входивших в ее состав народов, подъем национально-освободительного движения угнетенных народов, лишение земли и эмиграцию армян, возникновение и причины первой мировой войны, экспансию германского империализма в Османской империи и сближение Германии с Турцией, позицию англо-французских колонизаторов и царской России, надежды армянской буржуазии и деятельность армянских национальных партий, позицию большевиков. Авторы освещают героическую борьбу армян Вана, Шапин-Гарайсара, Суэтии, Урфы, показывают, что они не были восстаниями, как старается доказать турецкая официальная историография, а актами массовой самозащиты. Отдельные разделы посвящены геноциду армян 1915 года, положению армянских изгнанников в пустынях Аравии, армянских «переселенцев» в Закавказье, а также разочарованию в армянских буржуазных политических кругах. Хронологические рамки ряда исследований охватывают героическую борьбу армянского народа и трудящихся всего Закавказья против захватнической турецкой политики в период революции и гражданской войны.

В упомянутых монографиях и сборнике документов в разных аспектах показано, что неслыханная трагедия армянского народа вызвала

⁴¹ А. Н. Мнацаканян, Провал агентуры германо-турецких захватчиков на Кавказе накануне первой мировой войны, Ереван, 1948.

⁴² Е. К. Саркисян, Экспансионистская политика Османской Турции в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны, Ереван, 1962 (на русск. яз.); то же на арм. яз., Ереван, 1965; Д. ж. С. Киракосян, Первая мировая война и западные армяне, Ереван, 1965; А. Мнацаканян, Трагедия армянского народа в оценке русской и мировой общественной мысли, Ереван, 1965; «Геноцид армян в Османской империи», сб. док. и материалов, под ред. академика АН Арм. ССР М. Г. Нерсисяна, Ереван, 1966.

гнев и сочувствие честных людей всего мира. Соратники и ученики Ленина С. Орджоникидзе и С. Киров, С. Шаумян и А. Мясникян, а также К. Либкнехт и Джон Рид, видные деятели мировой культуры М. Горький и А. Франс, доктор Гиббонс и Ф. Нансен, писатели, ученые, общественные деятели, социалисты, коммунисты подняли голос протеста против злодеяний младотурков, разоблачали их. В названных трудах раскрыто отношение Советской России и ленинской партии к Западной Армении и судьбе западных армян, показано, что Восточную Армению также постигла бы судьба Западной Армении, если бы не солнце свободы, поднявшееся в ноябре 1920 г.

Несмотря на имеющиеся достижения, еще многое предстоит сделать для создания общей истории нового времени. История Восточной Армении и восточных армян ждет своих исследователей. Не имеется истории рабочего класса дореволюционной Армении, показывающей особенности различных этапов его формирования. Не лучше обстоит дело с изучением истории армянской буржуазии. При всем своем классовом единстве, армянская буржуазия занимала различные политические и идейные позиции, в зависимости от исторических условий ее формирования и развития. Именно этим существенно затруднялось изучение истории армянского национально-освободительного движения. Не случайно, что до сего времени марксистская историография не приступила к систематическому изложению национально-освободительного движения западных армян конца XIX и начала XX вв. Наконец, мы не имеем цельной и общей научной истории двух частей армянского народа в новое время.